

Г.Р. Державин

Собрание сочинений

в 10-ти томах



Стихотворения

УДК 821.161.1

ББК 84(2=411.2)51

Д36

Общественный совет собрания сочинений Г.Р. Державина:

Замостьянов А.А. — выпускающий редактор

Бубыренко О.А.

Коровин А.А.

Шабаета Т.Н.

Державин, Гаврила Романович (1743—1816).

Д36 Собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения / Г.Р. Державин. — М.: Народное образование, 2019. — 368 с.

ISBN 978-5-521-76482-2 (т. 1)

ISBN 975-5-87953-369-9

Перед вами - первое за полтора столетия собрание сочинений классика русской литературы Г.Р. Державина (1743 - 1816). В первый том собрания сочинений Г.Р. Державина вошли стихи, написанные за первые три десятилетия творческого пути. Некоторые из них публикуются впервые за долгие годы.

ISBN 978-5-521-76482-2 (т. 1)

ISBN 975-5-87953-369-9

ББК 84(2=411.2)51

© Замостьянов А.А., составитель, 2015

© Народное образование, 2015



Гаврила Державин. «Не умел я притворяться...»

Мы отправляемся в долгий путь. Перед вами — первый том собрания сочинений Гаврилы Романовича Державина (1743 — 1816), классика русской литературы, великого поэта, выдающегося государственно-го деятеля.

Державин творил в благодатное время, когда Российская империя усиливалась, а словесность ждала открытий. И он дерзал. Он сотворил поэзию небывалую — по смелой образности, по проникновению в душу человека. Молитва и непринуждённый автопортрет, ирония и героика — всё это составляет стиль поэзии Державина.

Державина в истории России заслонили. Его заслонил Пушкин, которого Гаврила Романович «заметил и, в гроб сходя, благословил». Его отодвинули на второй план политики «дней Александровых прекрасного начала», которые недолюбливали и не понимали простоватых исполинов Екатерининского века. Всё шло к тому, что Державин займёт почётное, но скромное место в пантеоне выдающихся сынов империи. Где-нибудь во втором ряду.

И всё-таки Державин как поэт никогда не умирал. То и дело он становился откровением для потомков. Вот как для Рылеева, который видел в Державине пример бескорыстного, героического служения Отечеству — не только престолу, но и Руси святой, но и народу:

Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.



Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венок нетленной,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг...

Между прочим, в Державине было куда больше лукавства, чем мог допустить романтик Рылеев. Но в главном Кондратий Фёдорович прав: правдолюб Гаврила Романович, вслед за Ломоносовым, стал певцом зарождающегося русского (и российского — здесь эти понятия равнозначны) патриотизма. В прежние века всё исчерпывалось ощущением православия как единственной возможности спастись. Бытовала и преданность государю — помазаннику Божьему. Для Державина всё было и сложнее, и проще, он стал патриотом по всем линиям: государственной, церковной, национальной, языковой...

В XVIII веке не было средств массового уничтожения, не существовало и информационных технологий, оперативно сплавляющих людские массы. В 1799-м победу на войне приносили, в первую очередь, штык и сабля, всё зависело от храбрости, силы, ловкости, опыта каждого солдата. Уже в 1812-м всё больше солдат погибало от огня. Чтобы «уважать себя заставить» — отныне требовались полумиллионные армии. А Державин принадлежал к эпохе, когда многое решала личность. Потому и кажется XVIII век временем титанов. Ну невозможно представить себе Петра Великого императором всероссийского времён Священного союза, а Потёмкина — главой правительства, в котором бы работали Вышнеградский и Витте. Хотя... Россия двигалась к литературоцентризму, писатели стали властителями дум и, к примеру, репутация Льва Толстого или Максима Горького напоминала о золотом веке титанов. Во времена Державина литературное поприще не было столь почётным, хотя своим политическим продвижением Гаврила Романович обязан именно стихам. Примечательно: Державин редко обсуждал литературные вопросы в переписке. Это в пушкинские времена литература настолько овладеет умами, что в письмах возникнут целые трактаты о стихах и прозе. О литературе он любил поговорить в приятном дружеском обществе — а в переписке касался почти исключительно практических вопросов.

То был век целеустремлённых, жизнелюбивых людей. Победителей по духу и по биографии. Век первопроходцев, титанов, для которых не было невозможного. Ломоносов! Потёмкин! Румянцев! Суворов! К таким фамилиям так и напрашивается одический восклицательный знак. И Державин был одним из них, из племени созидателей, построивших Российскую империю. Потому и досталось ему почётное место рядом с полководцами и дипломатами вокруг трона Екатерины Великой — на памятнике в Петербурге, на Александрийской площади, неподалёку от знаменитого театра, на который Державин — неудачливый драматург — верно, поглядывает с укором.

Державин был поэтом, политиком, идеологом империи времён взлёта. Он сочинял гимны этой эпохе — в том числе полуофициальный гимн Российской империи «Гром победы». Державин понимал, как никто, что Победа с большой буквы — это и есть всенародная объединительная идея, которая рождается не в кабинетах, не в умах нанятых авгуров.

Из чего состоит история, из какого материала? Можно считать эпохами, столетиями. Но Суворов — великий современник Державина — не случайно говорил: «Я действую минутами!». А вот как говорил Державин:

«История есть наука деяний. История Естественная содержит действия вещества. История Гражданская деянии человеческия.

Отдаленные времена покрыты тьмою, а описывать дела веку своему — подвергаться опасности.

История повествует просто и без пышностей события с засвидетельствованием доверенности их, отвергая двусмысленность.

Записи не иное что суть как припасы историческия. Лучшие источники письма.

Летопись означает число и порядок времен.

Поденныя записи хранилище безделиц.

Некоторой особенной род истории суть Анекдоты. В них собираются любопытныя и достойныя примечания дела, дабы их разобрать философически и политически. В них может вдаваться Автор в глубокия размышления, кои означат дарования его.

История природы есть книга Дел Божественных».

Это неправильный классик русской литературы. Особенный, отвергающий каноны и стереотипы. Классикам, великим поэтам полагается считать, что писательское слово, слово пророка важнее мирской суеты. Державин никогда бы с этим не согласился! Он оказался неи-



стовым управленцем, трудился неустанно, жаждал исправления нравов и личных карьерных успехов. Приметив косо́й взгляд государыни, огорчался сильнее, чем во дни творческого бесплодия. Он стал первым российским министром юстиции, но вскоре после этого взлёта административная карьера Державина завершилась. Завершилась нервно и красиво, легендарными (и при этом, как ни странно, достоверными) словами царя: «Ты слишком ревностно служишь». Отдадим должное императору Александру. Сам того не желая, он походя начертал эпитафию ко всей судьбе Державина. Потому что и чиновником Державин был неправильным! Позволял себе несусветные дерзости, редко следовал придворной моде на воззрения, ссорился с подчинёнными, ссорился с начальниками, ссорился с теми, кто был ему ровней по служебной иерархии. Всем рубил нелицеприятную правду, которая, конечно, не всегда оказывалась истиной.

Он был врагом крепостников-самодуров, а также противником отмены крепостного права. Не признавал литературных партий, но стал одним из основателей «Беседы любителей русского слова», которую воспринимали как оплот консерватизма — и в словести, и в мировоззрении.

Самое драгоценное качество поэзии Державина было продолжением его характера — это эмоциональная прямота. В программном стихотворении 1807 года «Признание» Державин заявил:

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел,
Не собой блистал я — Богом;
Вне себя я Бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моея царям, —
Добродетельми казались



Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям, —
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух, —
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщён, —
Признаюсь, красотою
Быв пленённым, пел и жён.
Словом: жёг любви копь пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

Это лучший эпиграф к собранию сочинений поэта.

В этом томе представлена поэзия Державина периода расцвета его дарования — заветные движения души, главное сокровище в державинском наследии. В следующих томах нас ждут обстоятельные комментарии к стихам Державина, драмы, записки... Но начать следует именно со стихов.

Благодарим Олега Анатольевича Бубыренко за помощь в осуществлении этого ответственного начинания. И — надеемся на неравнодушные любители русской словесности.

Арсений Замостьянов





Гаврила Романович Державин



